

**Письмо Сахарова
в Политбюро ЦК КПСС от 21 июля 1967 года
[совместно с Э. Генри (С.Н. Ростовским)]**

РАССЕКРЕТНЕНО
С Е К Р Е Т Н О
Экз. № _____

В ЦК КПСС
ЧЛЕНУ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС,
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИССИИ ПО ИНОСТРАННЫМ
ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Товарищу СУСЛОВУ М.А.

от САХАРОВА А.Д., академика.

ЦК КПСС
23613
27 ИЮЛ 1967
2-й СЕКТОР
ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ МОБИЛИЗАЦИИ
И ОБЩЕЙ РАБОТЫ ЦК КПСС

В настоящее время по дипломатическим каналам, а также в отдельных публичных выступлениях обсуждается вопрос о так называемом моратории противоракетной обороны. На пресс-конференциях в Лондоне и Нью-Йорке Председателю Совета Министров СССР товарищу Косыгину А.Н. были заданы вопросы на эту тему. В конце письма я подробнее остановлюсь на точке зрения, выраженной в ответах товарища Косыгина, здесь же только отмечу, что эти ответы по необходимости были очень краткими, при этом ответ на конференции в Нью-Йорке несет на себе определенный отпечаток острой политической конъюнктуры, сильно отличается по общему тону от более раннего ответа в Лондоне. В советской печати отсутствуют какие-либо статьи, специально посвященные проблеме моратория.

Мне представляется, что опубликование дискуссионной статьи на эту тему может быть полезным.

м. № 9/1040-с

мл Брентнев Л.И.
~ оснотоминка
Дубов

мл Брентнев Л.И.
~ оснотоминка

Сахаров А.Д. Письмо в ЦК КПСС от 21 июля 1967 // Архив Сахарова в Москве.

Приложения:

Дополнение № 1 м. № 9/1041-с на 1 листе

Дополнение № 2 м. № 9/1042-с на 2 листах

"Диалог" Э. Генри и А. Сахарова. на 10 листе несекретно - только в адрес.

В ЦК КПСС
ЧЛЕНУ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС,
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИССИИ ПО ИНОСТРАННЫМ
ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
Товарищу СУСЛОВУ М.А.

от САХАРОВА А.Д., академика

В настоящее время по дипломатическим каналам, а также в отдельных публичных выступлениях обсуждается вопрос о так называемом моратории противоракетной обороны. На пресс-конференциях в Лондоне и Нью-Йорке Председателю Совета Министров СССР товарищу Косыгину А.Н. были заданы вопросы на эту тему. В конце письма я подробнее остановлюсь на точке зрения, выраженной в ответах товарища Косыгина, здесь же только отмечу, что эти ответы по необходимости были очень краткими, при этом ответ на конференции в Нью-Йорке несет на себе определенный отпечаток острой политической конъюнктуры, сильно отличается по общему тону от более раннего ответа в Лондоне. В советской печати отсутствуют какие-либо статьи, специально посвященные проблеме моратория.

Мне представляется, что опубликование дискуссионной статьи на эту тему может быть полезным.

Мною совместно с известным публицистом Э. Генри (С. Н. Ростовский) подготовлена для опубликования беседа, затрагивающая проблему моратория.

Я прошу Вашей санкции на опубликование беседы. Ввиду ее дискуссионного характера, мы намечали опубликовать ее в "Литературной газете", которая наиболее пригодна для выражения неофициальной точки зрения.

Позволю себе кратко остановиться на своем понимании существа проблемы моратория и причин, делающих целесообразным, по моему мнению, ее обсуждение в печати.

Речь идет о двустороннем отказе США и СССР от сооружения системы противоракетной обороны (ПРО) против массированного нападения сильного противника, с сохранением тех работ, которые необходимы для защиты от ракетной агрессии малого масштаба [см. Дополнение № 1]

Выдвижение этой проблемы Джонсоном и Макнамарой, по-видимому, носит временный, конъюнктурный характер и обусловлено, вероятно, предвыборными соображениями, но объективно, по моему мнению и мнению многих из основных работников нашего института, отвечает существенным интересам советской политики, с учетом ряда технических, экономических и политических соображений.

Ряд аргументов по проблеме моратория изложен в беседе, но в открытой печати, естественно, не представлялось возможным освещать все военно-экономические и военно-технические аспекты проблемы ПРО. Некоторые из этих аспектов отражены в официальных документах, представленных в ЦК КПСС товарищами Харитоном Ю. Б, Забабахиным Е. И.

Советский Союз в настоящее время обладает значительно меньшим технико-экономическим и научным потенциалом, чем США. (Валовый национальный продукт на душу населения по зарубежным оценкам отличается в 2, 5 раза; выпуск электронных вычислительных машин - показатель, очень важный для оценки военно-технического потенциала - отличается более, чем в 15-30 раз; расходы на точные науки и технологические исследования - отличие в 3-5 раз, при этом эффективность расходов различается в несколько раз не в нашу пользу; разрыв по всем этим и

другим важным показателям, кроме валового - возрастает). Это отличие заставляет СССР и США по разному оценивать возможность создания наступательного и оборонительного оружия.

В наступательном оружии существует так называемый "эффект насыщения" - если вы можете уничтожить противника, то дальнейшее усиление мало что меняет. В области ПРО "эффекта насыщения" нет и исход соревнования, напротив, определяется соотношением технико-экономических потенциалов. Распространение соревнования на эту область для нас невыгодно, и даже при отсутствии соглашения о моратории мы будем, вероятно, вынуждены односторонне действовать почти так, как если бы такое соглашение существовало, затрачивая основные усилия на дополнительное усиление системы нападения для преодоления американской ПРО и практически почти отказавшись от попыток соревнования в области создания собственной ПРО. Но это далеко не наилучший для нас вариант, так как у США сохранится большая свобода военно-технической политики и будет потеряна возможность важного для нас пропагандистского эффекта - ведь СССР и США, заключив соглашение о моратории, тем самым отказываются от политики взаимных угроз, от соблазна нанесения превентивного удара под прикрытием создающего иллюзию безопасности противоракетного "щита" (именно иллюзию, так как эффективная ПРО против массированного нападения равносильного противника сейчас невозможна! [см., однако, Дополнение № 2] Такое соглашение очень ободрило бы силы мирного сосуществования, облегчило бы дальнейшие шаги в области разоружения и ослабления напряженности.

Товарищ Косыгин А. Н., выступая в Нью-Йорке с кратким ответом по вопросу моратория, защищал точку зрения о невозможности рассмотрения сейчас этой проблемы отдельно от общей проблемы разоружения. Естественно, что в условиях обострения международной обстановки столь сложный и недостаточно готовый для решения вопрос не мог быть исчерпывающе обсужден; но при рассмотрении проблемы моратория в более подходящей обстановке, с моей точки зрения, следует иметь в виду три обстоятельства:

1) Хотя система ПРО не является сама по себе средством нападения или агрессии, но она может служить для агрессора средством, обеспечивающим безнаказанность, может увеличить соблазн превентивной войны. Поэтому отказ СССР и США от ПРО явился бы яркой демонстрацией готовности к сосуществованию.

2) Отсутствие соглашения о моратории приведет к гонке не только оборонительных, но и наступательных систем, которые будет необходимо усилить для гарантированного прорыва обороны. Такой исход не выгоден для нас и экономически, и политически, и стратегически. Он усилит разрыв в темпах экономического, научного и технологического прогресса СССР и США, уменьшает возможность "общего политического урегулирования".

3) Работы по ПРО в США очень продвинуты, имеется солидный "технический" задел по ряду систем. Хотя все это еще не дает эффективного решения проблемы ПРО, но является симптомом, что начавшийся в 1957 году период приблизительного и неустойчивого равновесия сил возмездия не вечен, возможно нарушение этого равновесия или иллюзия нарушения. Неужели мы упустим возможности общего урегулирования, пока они существуют?

Если эти предпосылки, определяющие наше отношение к проблеме моратория, в какой-то мере верны, то необходимо использовать все возможности, которые возникли в связи с предложениями Джонсона ("поймать американцев на слове") как в смысле реального ограничения гонки вооружения, в котором мы заинтересованы больше, чем США, так и в пропагандистском смысле, для подкрепления идеи мирного сосуществования. В частности, представляется целесообразным начать открытое обсуждение проблем моратория в печати.

Среди зарубежной научной и технической интеллигенции имеется много влиятельных групп и отдельных лиц, которые при благоприятных условиях могут явиться силой, сдерживающей "ультра" и "ястребов". Эти группы играли важную роль при подготовке Московского Договора о запрещении испытаний и в ряде других вопросов. В США роль таких групп и лиц при Джонсоне

сильно упала по сравнению с эпохой Кеннеди, имеется определенная растерянность в связи с общим обострением обстановки, но все же эти силы существуют.

Позиция таких групп, как нам кажется получит существенную поддержку, если советские ученые, в том числе связанные с новой военной техникой, будут проявлять разностороннюю инициативу в духе мирного сосуществования. Статья дискуссионного характера в этом плане может быть даже более ценной, чем повторение точки зрения, уже высказанной в официальном порядке.

Прошу Вашего разрешения на опубликование беседы в "Литературной газете".

С данным письмом, естественно, я просил бы Вас ознакомить товарищей А. Н. Косыгина и Л. И. Брежнева, а также всех тех лиц, участие которых в обсуждении Вы найдете желательным.

С глубоким уважением

А. Сахаров

"21" июля 1967 года

Уч № 9/1040-с

ДОПОЛНЕНИЕ № 1

Определение "агрессия малого масштаба" несколько расплывчато и может создать ложное впечатление о простой защите.

Защита от удара небольшого числа ракет агрессора или провокатора (реваншисты, маоисты), но по любому заранее неизвестному объекту нашей страны технически возможна, однако нужно отдавать себе отчет, что по масштабу работ решение даже этой "упрощенной" задачи потребует очень больших вложений интеллектуальных и материальных ресурсов, сравнимых по масштабу с созданием наступательной системы массированного удара. Это - постройка огромной сети станций обнаружения ракет противника и наведения противоракет, вычислительных станций и линий связи, разработка методов сепарации ложных целей, создание высоко-маневренных противоракет с термоядерными зарядами для действий на ближних и дальних рубежах обороны. Что же касается защиты от массированного нападения, то, как считают многие специалисты, она возможна только в том случае, если нападающая сторона обладает технико-экономическим потенциалом во много раз меньшим, чем обороняющаяся. Практический вывод для более слабой в технико-экономическом отношении страны - создание ПРО от массированного нападения для нее нереально, а от единичных ракет - трудно, но возможно.

ДОПОЛНЕНИЕ №2

Эта формулировка, по-видимому, нуждается в некотором уточнении. Эффективная защита от массированного нападения потребует очень крупных вложений, превосходящих в несколько раз (в 3-10 раз вложения в противостоящую "равносильную" наступательную систему. Различие в потребных вложениях велико, но не бесконечно велико. Наши специалисты по разработке техники и тактики наступательных систем вынуждены учитывать, что в перспективе США может разработать противоракетные системы с высокими техническими характеристиками (совершенные методы обнаружения наших ракет и сепарации ложных целей, высоко-маневренные противоракеты с высокой стойкостью к действию термоядерного взрыва, что облегчает залповую стрельбу по группам наших ракет и ложных целей). Мы вынуждены поэтому резко увеличивать количество и качество нашего наступательного оружия, непрерывно совершенствовать тактику его применения и стойкость к действию противоракет.

Мы вынуждены учитывать также возможность разрушения значительной части наших стартовых установок в результате внезапной "превентивной" агрессии противника, или в ходе той или иной формы "ограниченной" термоядерной войны. Такое разрушение может привести нас, как более слабую в технико-экономическом отношении сторону, к положению, при котором ПРО США вполне эффективно отражает остатки наших атакующих ракет, т. е. мы можем оказаться почти полностью безоружными. Остается лишь самоубийственное средство радиоактивной войны - т. е. создание на большей части территории противника летальной плотности радиоактивных выпадений при помощи неприцельной массированной атаки термоядерных зарядов с наземным взрывателем; такую атаку нельзя отразить при помощи наиболее реальных сейчас противоракет ближнего действия, однако применение такого средства кажется нам самоубийственным и в политико-моральном, и в прямом смысле.

Эти соображения являются дополнительным аргументом, повышающим нашу заинтересованность в нераспространении гонки вооружений на строительство ПРО.

Отп. два экз. (2л)

1 - адрес

2 - дело

исп. Сахаров

печ. Жогина

маш. № 9/1042-с

21. УП. 67

Диалог. Мировая наука и мировая политика

Э. Генри: Мне хочется поделиться с Вами одной мыслью и поставить один вопрос. Как смотрите Вы на роль ученых в современной международной политике? Не считаете ли Вы, что для них пришло время потребовать большего влияния на судьбы мира?

Еще никогда в истории, никогда за время существования человека, от ученых столько не зависело, как сейчас. Экономика, культура, оборонная техника, космические планы Земли, повседневный быт каждого ее обитателя - все теперь в небывалой степени определяется учеными. Научно-техническая революция бесповоротно ставит их у руля производительных сил. У Вас и Ваших коллег великие возможности. Уже превзойдены самые смелые надежды Томаса Мора, Леонардо Да-Винчи, Герберта Уэллса. Нет ни грана сомнения, что завтра авторитет науки подымется еще выше. Спорить с ней трудно, она имеет обыкновение оказываться правой. Современное поколение знает, сколько оно должно ученым, им верят, на них полагаются.

Но факт таков, что роль ученых в мировых делах, в международной политике совершенно не соответствует их значению в жизни современного общества, удельному весу точных наук в производственном процессе и государственном строительстве.

Диспропорция бьет в глаза. Для здравого ума она неприемлема. Достаточно взглянуть на внешнюю политику империалистических держав.

Я думаю, на земном шаре не найдется сейчас, вероятно, ни одного настоящего большого ученого, который был бы против мирного урегулирования во Вьетнаме и на Ближнем Востоке, против обеспечения безопасности Европы, за новых гитлеров, за бесконечное продолжение гонки вооружений, за дальнейшее скатывание к ~~планетарной~~ *всепланетной* катастрофе и самоубийству человечества.

Есть, правда, отдельные научные деятели, которые связали свою судьбу с военным бизнесом, перешли в лагерь "ястребов" и "бешеных". Такие были и фашистской Германии, есть они и теперь. Но не о них сейчас речь. Все настоящие ученые с волнением предостерегают против игры с ядерным огнем. Но оказывает ли этот факт в данное время хоть какое-то влияние на политику, скажем, государственного департамента США?

Вы наверное помните слова великого французского физика Жолио-Кюри: "Ученые знают, сколько пользы принесла наука человечеству; они знают и то, чего она могла бы сейчас достигнуть, если бы на всем земном шаре воцарился мир. Они не хотят, чтобы когда-нибудь были произнесены такие слова: "Наука нас привела к гибели от атомных и водородных бомб". Ученые знают, что наука не может быть виновата. Виноваты только те люди, которые плохо используют ее достижения".

Я вспоминаю и другие слова, сказанные самым гениальным человеком прошлого века: "Ученый, если он не хочет сам снизить свой уровень, никогда не должен прерывать своего активного участия в общественной жизни и не должен сидеть вечно взаперти в своем кабинете или в своей лаборатории, вроде крысы, забравшейся в сыр, не вмешиваясь в политическую жизнь, в общественную и политическую борьбу своих современников". Это сказал Карл Маркс. Есть люди, которые об этом забывают.

Согласны ли Вы с тем, что ученые должны сегодня самым активным образом участвовать не только в делах техники, производства и культуры, а и в мировой политике, и, если да, то что они могли бы сделать и предложить в настоящее время?

Я знаю Вас не только как крупнейшего ученого, но и как смелого человека, с динамическим воображением, у которого всегда свои мысли и который не согласится на то, чтобы завязнуть в сыре. Что нужно, по Вашему?

А. Сахаров: Начну с примера, ставшего уже историей. В 1963 году в Москве был заключен знаменитый договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, под водой и в космосе.

Московский договор прекратил отравление атмосферы, ежегодно ~~уносившее свыше ста тысяч жизней~~ *обрекавшее на гибель свыше ста тысяч наших современников и пот омков*, ослабил гонку вооружений, привел к выяснению политической позиции ряда стран. Его можно по праву считать первой ступенью эскалации мира в 60-х годах. Хочу напомнить, что заключение Московского договора было подготовлено широкой всемирной кампанией интеллигенции, в которой принимали деятельное участие такие выдающиеся ее представители, как Ф. Жолио-Кюри, Л. Полинг, А. Швейцер и многие другие, и явилось неоспоримым подтверждением эффективности участия ученых и интеллигенции в решении важнейших политических вопросов.

Credo прогрессивных ученых, прогрессивной интеллигенции во всем мире - открытое и непредвзятое обсуждение всех проблем, включая самые острые. Я не сомневаюсь, что и у нас и на Западе наука безусловно может помочь делу эскалации мира, помочь самым серьезным образом.

Э. Генри: Как именно? Я знаю, Вы ученый, а не дипломат. Но каков, по Вашему мнению, конкретный путь к тому, чтобы помочь в этом деле - самом важном из всех дел современного человека?

А. Сахаров: Ряд очень важных предложений сформулирован Советским правительством, правительствами других социалистических стран, Всемирным Советом Мира. Меня и некоторых моих коллег в настоящее время особенно интересует проблема так называемого "моратория противоракетной обороны". Это именно тот вопрос, которого товарищ А. Н. Косыгин коснулся недавно на пресс-конференции в Нью-Йорке, сказав, что его нужно рассматривать не в отрыве от всей проблемы разоружения, а в целом как вопрос всеобщего разоружения. Вопрос этот почти еще не обсуждался в советской печати. Он принадлежит к числу "острых" и трудных для открытого обсуждения, но тем важнее начать это обсуждение. О чем идет речь?

Как известно, СССР и США владеют огромными парками стратегических ракет с термоядерными зарядами. Образно выражаясь, они вооружены ядерными "мечами". Создание системы противоракетной обороны означало бы, что в дополнение к "мечу" появится "щит". Я считаю, что подобное расширение ракетно-ядерного вооружения было бы опасно.

Э. Генри: Почему?

А. Сахаров: Вот почему. При нынешней политической и технической обстановке такое "дополнение" может создать иллюзию неуязвимости. У тех или иных "бешеных" и "ястребов" "щит" увеличит соблазн ракетно-ядерного шантажа, усилит тяготение к "превентивной" термоядерной атаке. Не думаете ли Вы, что найдутся такие безумные политики и генералы, которые после создания такого "щита" вновь начнут говорить о термоядерной войне как о современном "способе продолжения политики иными средствами" - по формуле Клаузевица?

Э. Генри: Я годами пишу о таких обезумевших политиках и генералах в капиталистическом мире. Вы правы.

А. Сахаров: Но ведь в случае генерального применения формулы Клаузевица в наше время речь пойдет не о "продолжении политики", а о тотальном самоубийстве цивилизации, хотя бы и при наличии "щита". Гибель сотен миллионов людей, генетические уродства будущих поколений, разрушение городов и промышленности, транспорта, связи и сельского хозяйства, разрушение системы образования, голод, эпидемии, стихийная, непобедимая ненависть к науке и

"интеллектуалам" у оставшихся в живых жертвах цивилизации, вспышки дикого суеверия, звериного национализма, всеобщее разрушение материальной и информационной базы цивилизации, - все это отбросит человечество на столетия назад, к эпохе варварства, и поставит на грань самоуничтожения. Это - мрачный прогноз, но мы не можем отмахиваться от фактов.

Вот один из них.

Мы можем приблизительно вычислить количество жертв одного термоядерного взрыва. Типичный термоядерный заряд - скажем, шестимегатонный - по мощности и площади теплового поражения в 300 раз превосходит хиросимскую бомбу, по зоне разрушения - в 45 раз. При попадании на город такого заряда на площади в 200 кв. км. возникает зона сплошного огня и разрушений. Свыше одного миллиона людей находят мучительную смерть под развалинами, задыхаясь в кирпичной пыли и погибая от ожогов. На огромной площади размером в тысячи кв. км. след от радиоактивных выпадений делает жизнь надолго невозможной. Эти цифры надо умножить на ожидаемое число взрывов во всеобщей термоядерной войне (конечно, нужно учесть, что не все заряды будут взорваны над густонаселенными районами).

Э. Генри: Сколько, примерно, может быть взрывов?

А. Сахаров: Утверждение о высокой стоимости термоядерных зарядов - легенда. В любой системе оружия такие заряды - самая дешевая составная часть. Атомные державы с развитой промышленностью могут производить их практически в любом требуемом количестве. Поэтому оценка в 100 тысяч термоядерных взрывов для пяти ядерных держав не представляется завышенной. Для создания такого парка достаточно нескольких лет предвоенной горячки или 20-25 лет холодной войны более "спокойного" типа. Часть этого срока уже прошла!

Э. Генри: Иными словами у ядерных держав накопится сила, достаточная для уничтожения ста миллиардов людей - в 30 раз большего числа людей, чем теперь проживает на всем земном шаре? Так? А однократное уничтожение - уже решенная "задача"?

А. Сахаров: Да.

Э. Генри: Тогда такой вопрос. Можно ли, по Вашему мнению, создать действительно эффективную противоракетную оборону против сильного противника?

А. Сахаров: При нынешнем состоянии военной техники - нет. Ни одна ядерная держава не может затратить на свой "щит" намного больше средств - денежных, материальных, интеллектуальных, - чем сравнимый по силе противник может затратить на "меч". При примерном же равенстве затрат "щит" эффективен только как средство истощения государственного бюджета и подогревания гонки вооружений.

Сейчас техника нападения далеко обогнала технику обороны. В общих чертах положение следующее. Крупные ядерные державы могут выбрать у своего противника несколько десятков основных целей - районов, и сконцентрировать на каждую из этих целей сотни боевых ракет с мегатонными зарядами. Они могут защитить эти ракеты от действия ядерных взрывов противоракет противника (за исключением точного попадания с обязательной затратой одной противоракеты на одну ракету или ложную цель), от лазерного луча и других известных средств ПРО (противоракетной обороны). Они могут насытить небо противника десятками тысяч ложных целей, хитроумно имитирующие движение и локационные характеристики боевых ракет для истощения средств ПРО, применить разнообразные методы маневра, помех, маскировки. Простейший тактический прием, который может привести к прорыву ПРО, разрушения локационных станций - это создание на отдельных участках такой плотности атакующих ракет, которая превысит пропускную способность станций обнаружения ракет и наведения противоракет, очень сложных вычислительных станций и т. п. Опыт прошлых войн дал множество примеров того, что первое применение нового технического или тактического приема обычно оказывалось очень эффективным даже в том случае, если вскоре удавалось найти простое противоядие. Но в случае термоядерной войны уже первое применение может оказаться

решающим, и кто знает, сколько неожиданных новинок подготовила каждая из сторон в своих секретных лабораториях.

Наглядный пример того, как многолетняя работа по созданию ПРО мгновенно сводится на нет, дала американская система дальнего обнаружения советских ракет. Растянувшаяся на тысячи километров цепь станций, которая стоила Соединенным Штатам огромных средств и усилий, устарела с появлением советских орбитальных ракет, выходящих на цель с любой стороны. Цепь станций дальнего обнаружения оказалась обойденной с тыла. Помимо того, громоздкие антенны этой системы очень непрочны и могут быть буквально сдуты отдаленным взрывом.

Э. Генри: Ясно. Вернемся к вопросу о возможном использовании ПРО агрессором, который под ее прикрытием может попытаться безнаказанно уничтожить противника или поставить его на колени.

А. Сахаров: Вообще говоря, иллюзия безнаказанности, именно - иллюзия - возникнуть может. Но вот что необходимо подчеркнуть прежде всего. Превентивный удар по ракетным установкам равносильного противника, совершенный агрессором, рассчитывающим на безнаказанность, будет в действительности малоэффективным. У державы, подвергшейся такому нападению, большая часть ракет сохранится в прочных подземных стартовых позициях, на подводных лодках и в замаскированных подвижных стартовых установках. Сохранится у нее и свобода выбора целей ответного удара. Эскалация войны может обернуться против агрессора, ПРО его не спасет. В особенности очевидно бессилие ПРО против радиоактивной войны, на которую может пойти доведенная до грани поражения жертва агрессии.

Э. Генри: Сторонники гонки вооружений в США, как известно, выступают против общего соглашения о разоружении, рассчитывают на истощение советской экономики, которая, по их мнению, не сможет выдержать дополнительное бремя строительства ПРО.

А. Сахаров: Подобные военно-экономические прогнозы - всегда вещь рискованная. Не следует думать, что СССР обязан точно копировать структуру военных расходов и технические решения Пентагона. Необходимо учитывать, в частности, что каждый рубль или доллар, истраченный на усиление "меча", компенсирует гораздо большую сумму, истраченную противником на "щит". Далее я хочу подчеркнуть, что хотя эффективная оборона от массированного нападения сильного противника невозможна, решение более скромных, но важных для спасения жизни людей задач защиты от внезапного термоядерного нападения малого масштаба (например - с провокационными целями) вполне возможно и необходимо.

Э. Генри: Ясно. Действительной гарантии безопасности в случае термоядерной войны нет ни у кого и, вероятно, быть не может. После 700 тысячелетий существования человеческой расы ей в самом деле грозит смерть - грозит как раз накануне величайшего взлета в ее истории. Любая искорка где-то в мире может привести к пожару пожар - к глобальному взрыву, взрыв - к концу. Может ли мир жить дальше такой жизнью, когда история превращается в сплошную цепную реакцию? Соглашение о глобальном мирном сосуществовании и всеобщем разоружении стало для каждого проблемой всех проблем.

А. Сахаров: Все мы знаем, что лагерь социализма основывает свою политику именно на этом положении.

Э. Генри: А если американские политические руководители будут по-прежнему играть с огнем?

А. Сахаров: Тогда, мне кажется, слово за американским рабочим классом, американским народом и не в последнюю очередь - за интеллигенцией и учеными.

Э. Генри: Вот мы и пришли к тому, из чего исходили - к значению современной роли ученых в мировых делах. Выходит, ученые действительно могут сделать много, очень много для мира. Они могут потребовать - и настоятельно потребовать - отказа от дальнейшего скатывания по пути эскалации империалистической агрессии. Надо, чтобы они захотели.

А. Сахаров: Факт таков, что американские ученые - за исключением тех, кто потонул в военно-промышленном комплексе - понимают например, всю бессмысленность, жестокость и преступность вьетнамской войны. Они понимают, какие блестящие возможности смягчения международной обстановки эта война ставит теперь под удар. Историческая ответственность американских ученых и интеллигенции в этот критический момент мировой истории очень велика. Если они лишат машину войны своей активной и пассивной поддержки, если они помогут уяснить американскому народу, насколько обеспечение мира важнее всех внутренних американских проблем, то машина войны начнет терять свою силу и возникнут условия, более благоприятные для прекращения американской агрессии, для свободного развития национально-освободительного движения. Роль ученых и прогрессивной интеллигенции, их методов мышления и действия неизмеримо повысится во всем мире. Плечом к плечу с рабочим классом, противостоя империалистической реакции, национализму, авантюризму и догматизму, ученые и интеллигенция должны осознать свою силу как одна из главных опор идеи мирного сосуществования.

Сканирование - ?????????
DjVu-кодирование - Беспалов

